

ПЕРЦЕПТИВНЫЙ МОДУС В ЖЕСТКО СТРУКТУРИРОВАННОМ ТЕКСТЕ

Ольга Е. Фролова

Московский государственный университет, Россия

Perception plays an important role in folk texts (puzzle, fairy tale and anecdote). In a puzzle a person who receives a message should reconstruct an answer by changed (transformed) visual characteristics. In a fairy tale the important functions (meeting with antagonist, battle) are formed as visual "pictures". One of the types of an anecdote (scene) should be reconstructed in a mental view of a listener.

Фрагмент прозаического художественного текста, который можно представить в качестве некоей картинки, структурирует восприятие всего произведения, перестраивая его линейное развертывание в иерархию. Известная цитата из «Театрального романа» М.А. Булгакова свидетельствует о том, что и писатели осознали роль перцептивного модуса в тексте: «Тут мне стало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, щурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что это картинка не плоская, а трехмерная» (М.А. Булгаков «Театральный роман»). Между тем роль перцептивного модуса значительна не только в авторских, но и в фольклорных текстах.

Наша задача в том, чтобы показать, а) каково синтаксическое устройство фразы с перцептивным модусом, б) в каких фольклорных жанрах и в) в каких позициях фольклорного текста возникают зрительно воспринимаемые образы.

В русистике проблематика перцептивности описывается на разных уровнях языковой системы. В.В. Виноградов и Б.А. Успенский отмечали, что наблюдение невозможно, если оно «не привязано» к определенной точке зрения, реализуемой в тексте (Виноградов 1980; Успенский 1970). В лексической семантике перцептивность связана с фигурой нетривиального наблюдателя, который «встраивается» в значение лексической единицы (Апресян 1974; 1995; Апресян и др. 1999а). В работах Е.В. Падучевой наблюдатель является ключевым термином для интерпретации механизмов диатезы, а также конструкций с родительным при отрицании (Падучева 1997; 2005). В синтаксической семантике перцептивность связана с модусом сенсорного плана (Арутюнова 1988). То, что перцептивность

предполагает особую актуализацию высказывания, позволило А.В. Бондарко, рассматривая семантику глагольного вида, объяснить наблюдаемость события употреблением временных форм, синхронизирующих событие и момент наблюдения (Бондарко 1983; Бондарко 2002). В лингвистике текста возможность восприятия некоторых фрагментов текста как трехмерных картинок объясняется особым синтаксическим устройством текста, описываемым как репродуктивный регистр (Золотова 1982).

Пытаясь суммировать все наблюдения о перцептивности, следует сказать, что это комплексное явление, проявляющееся на уровне высказывания. Конструкция, позволяющая представить некоторый фрагмент текста в качестве трехмерной картинке, может быть описана следующим образом: а) рамка, представляющая собой главную часть сложноподчиненного предложения с модусным предикатом и субъектом модуса, который и является наблюдателем, б) союз *как*, в) внутрирамочная конструкция, являющаяся подчиненной частью сложного предложения, которая, собственно, и воспринимается читателем как картинка. Субъект речи может совпадать с субъектом модуса при повествовании от 1 л. ед.ч. или не совпадать: в этом случае речь ведется от 3 л. ед.ч.

(1) а) *Он **видит***, б) *как в) **светлеет** край неба.*

Модусный предикат может быть выражен как формой настоящего, так и прошедшего времени, при этом возможности перцептивности не утрачиваются. Ср. примеры (1), (2).

(2) *Он **видел**, как **светлеет** край неба.*

Согласование предикатов модусной рамки и внутрирамочной части и отнесение их к прошедшему времени также не снимает перцептивности.

(3) *Он **видел**, как **светлел** край неба.*

Если предикат придаточного предложения выражен глагольной формой прошедшего времени НСВ, то реализуется его процессное значение, а если формой СВ, то наблюдается значение актуального результата. Ср. примеры (3), (4).

(4) *Он **увидел**, как **посветлел** край неба.*

Как правило, во внутрирамочной конструкции употребляются глаголы НСВ настоящего и прошедшего времени для обозначения статического состояния и глаголы СВ в прошедшем времени, описывающие действия объекта.

Зрительный модус предполагает появление лексем с инкорпорированным наблюдателем, по крайней мере, трех классов: 1) цветообозначения (*краснеть, белеть*); 2) освещенности (*сиять,*

светить, светлеть); 3) описывающих положение или движение объекта в пространстве (*расстилаться, торчать*).

Рамка и внутрирамочная конструкции семантически согласуются по модусу и способу проявления объекта. Классификация типов модусных глаголов, которые вводят перцептивный образ, строится на нескольких основаниях: а) синхронность / несинхронность во времени и пространстве модуса и события, б) принадлежность воспринимаемого события порожденному персонажем или реальному миру, в) истинность / ложность результата восприятия.

Классы модусных глаголов зрительного восприятия таковы: с точки зрения синхронности / несинхронности события моменту наблюдения выделяются глаголы 1.1) вводящие зрительное восприятие, синхронное (*видеть*), 1.2) ретроспективное (*вспоминать*) и 1.3) проспективное событию (*предвкушать*). В последнем случае зрительный образ конструируется в сознании субъекта модуса. Принадлежность зрительного образа миру, порожденному субъектом модуса, вводят глаголы 2.1) мысленного взора (*представлять себе*). При этом не маркирован модальный (алетический) аспект перцептивного события: оно может не перейти границ возможного мира персонажа или воплотиться в реальном мире текста. Если же маркирована принадлежность перцептивного события миру персонажа, то меняется и модусный глагол. 2.2) Контролируемый субъектом модус, вводящий зрительно воспринимаемое событие мира персонажа, и порожденный им (*фантазировать, мечтать*); 2.3) модус, не контролируемый субъектом, вводящий зрительно воспринимаемое событие мира персонажа и не зависящий от его воли (*сниться, галлюцинировать*). С точки зрения истинности/ложности вводимого образа, выделяют 3) предикаты ложного восприятия (*казаться*). Данный термин был предложен И.М. Кобозевой (Кобозева 1988).

Естественно, границы между классами не являются жесткими. Например, у глагола *казаться* МАС выделяет четыре значения, второе из них неоднородно и толкуется так: «представляться воображению, мысли...|| чудиться, мерещиться» (МАС 2: 14). При этом одно толкование принадлежит модусу мысленного взора, а второе – ложного восприятия. Сложность толкования семантики слова *казаться* отмечает Ю.Д. Апресян: «Человек X думает, что Р, причем либо сам X, либо говорящий не вполне уверен в истинности Р или не хочет казаться чересчур уверенным в этом» (Апресян 2000: 156); по его мнению, данный глагол «теснее всего соприкасается со следующими тремя рядами синонимов: 1) *представляться* 1,

видеться 1, рисоваться 2; 2) чудиться, мерещиться, казаться 2; 3) выглядеть...» (Там же: 156). Как пишет Ю.Д. Апресян, сопряжение с несколькими синонимическими рядами указывает «с одной стороны, на разные степени достоверности картины мира, имеющейся в сознании человека, а с другой стороны, на то, что эти картины формируются разными участками его сознания» (Там же: 156). Предикат, выраженный глаголом *казаться*, в отличие от других средств (*видеть, мерещиться, вспоминать*) не способен вводить пропозицию союзом *как*.

(5) **Мне казалось, как начал светлеть восток.*

Придаточное предложение может присоединяться с помощью союзов *что* и *как будто*.

(6) *Мне казалось, как будто / что начал светлеть восток.*

Н.Д. Арутюнова и М.А. Дмитриовская относят глагол *казаться* к модусу ментального плана (Арутюнова 1988; Дмитриовская 1988).

По-видимому, сложность семантики модусного глагола *казаться* в том, что он способен выступать как предикат мнения, принадлежащий ментальному плану, и как предикат зрительного восприятия сенсорного плана.

Выделение классов модусных предикатов, способных вводить зрительно воспринимаемые фрагменты, свидетельствует об отсутствии четких границ между ментальными и перцептивными глаголами.

Рамка в такой конструкции может легко эллиптироваться. В этом случае адресат должен восстановить, кто является субъектом модуса, каков характер восприятия, с какой точки зрения ведется наблюдение. Сложность интерпретации таких фрагментов состоит в том, что получаемые «картинки», или чувственно воспринимаемые образы текста, могут иметь разную природу.

Проблема перцептивности в художественном тексте состоит в том, что внутрирамочная конструкция не реагирует на специфику класса модусного предиката в рамке. Вне зависимости от того, воссоздана ли зрительно реальная или возможная картинка, подчиненное предложение грамматически оформляется одинаково.

(7) *Он видел / мечтал / вспоминал / представлял себе, как светлеет восток.*

Однако несколько классов модусных предикатов способны повлиять на внутрирамочную конструкцию. Модусы мысленного взора позволяют вводить в перцептивный модус нерелевантные именные группы, представляющие собой недоступные зрительному восприятию фрагменты.

(8) «Было до непристойности синее море, сахарно белая гостиница с пестрым флагом, веющим в другую сторону, чем дымок парохода на горизонте, были снеговые вершины и висячие мосты, и лагуны с гондолами, и в бесконечном количестве старинные церкви, и **какой-нибудь узенький переулочек**, и ослик с двумя толстыми тюками на боках... Все было красиво, все было забавно, перед всем неведомый автор проспектов приходил в восторг, захлебывался похвалами...» (В.В. Набоков «Камера обскура»).

Сопоставим фразы с одной и той же интрадискурсивной конструкцией, но разными предикатами перцептивного модуса.

(9) *Он видел, как **что-нибудь** начинает двигаться.

(10) *Он вспомнил, как **что-нибудь** начинает двигаться.

(11) *Ему снилось, как **что-нибудь** начинает двигаться.

(12) Он мечтал, как **что-нибудь** начинает двигаться.

(13) Он фантазировал, как **что-нибудь** начинает двигаться.

(14) Он представлял себе, как **что-нибудь** начинает двигаться.

(15) Ему казалось, что **что-нибудь** начинает двигаться.

Примеры (9), (10), (11) свидетельствуют о том, что зрительный модус, вводящий образ, принадлежащий миру текста, не допускает именную группу (ИГ), предполагающую невыбранность объекта. Примеры (12), (13), (14), (15) объединяются по признаку характера модуса, делающего возможным конструирование зрительного образа, иерархизированного по принципу важности / неважности включенных в него объектов. Неважный для субъекта модуса объект может быть назван ИГ с неопределенным местоимением *-нибудь*. Данная ИГ интерпретируется как нереферентная (см. Падучева 1985: 94). Показательно, что модусный предикат неконтролируемого действия *снится* не допускает появления в перцептивной рамке нереферентной и зрительно не воспринимаемой ИГ.

Каким же образом перцептивный модус реализуется в повествовательных фольклорных текстах? Рассмотрим несколько жанров: пословицу, загадку, анекдот и волшебную сказку. Именно такие тексты можно назвать жестко структурированными. Под жестко структурированным текстом мы понимаем такое речевое произведение, которое построено по определенной, известной носителю языка и культуры схеме, воспроизводимой при порождении текста и формирующей набор пресуппозиций и ожиданий и узнаваемой при его восприятии и понимании.

Рассмотрим фольклорные повествовательные жанры в следующем порядке: волшебная сказка, анекдот, пословица, загадка.

Все четыре жанра допускают субъект речи, повествующий от 3 л. ед.ч. В сказке и анекдоте речь ведется только от 3 л. ед.ч. Возможны, хотя и редки, пословицы и загадки от 1 л. ед.ч.

Развертывание сюжетного действия в сказке, описанное В.Я. Проппом с помощью термина *функция*, не однородно с точки зрения употребления временных форм (Пропп 1928). Ряд функций допускает глагольные предикаты, выраженные формами НСВ в настоящем времени, которые могут быть интерпретированы в перцептивном аспекте.

(16) *«Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему»* (Никита Кожемяка).

(17) *«И подъезжает к этой деревне цыган, останавливается и раскидывает свой шатер»* (Змей и Цыган).

(18) *«Подъезжает к нему старичок в лодке: «Батюшка, Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи»* (Иван Быкович).

В примерах (16), (17), (18) наблюдается эллипсис модусной рамки, во внутрирамочной конструкции – инверсированный порядок слов с вынесением предиката в настоящем времени на первое место. Употребление глагола в настоящем времени синхронизирует действие и наблюдение. По-видимому, субъектом перцептивного модуса является или герой сказки, или же он и солидаризирующийся с ним повествователь.

В некоторых сказках подобный инверсированный порядок слов сохраняется и при употреблении глагольных форм НСВ и СВ прошедшего времени, обозначающих действия, длительные или имеющие актуальный результат в настоящем.

(19) *«Ехали по долам, по горам, по зеленым лугам и приехали в дремучий лес; **Ø в том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках, когда надо — повертывается»*** (Иван Быкович).

В примере (19) эллиптирован модусный глагол. Выделенная полужирным курсивом часть представляет собой внутрирамочную конструкцию, сохраняющую инверсированный порядок слов при предикате в настоящем времени.

В волшебной сказке перцептивный модус не может «включаться» в инициальной части текста. Подключение перцептивного модуса не привязано жестко к какой-либо функции: это может быть встреча героя с дарителем или помощником, поединок героя с вредителем (см. Фролова 2004).

Можно говорить о том, что возможность перцептивного модуса в сказке позиционно обусловлена и связана с развитием сюжетного действия.

Перцептивный модус в анекдоте является средством выделения специфической организации текста внутри жанра. Сравним несколько текстов.

(20) *Моются те, кому чесаться лень.*

(21) *Празднование Нового года – это ужин, заканчивающийся завтраком.*

(22) *От чтения бумаг Штирлица отвлек скрежет дерева по асфальту. Взглянув наружу Штирлиц увидел возвращающегося на лыжах из Швейцарии пастора Шлага.*

(23) *Лежат голодные и мечтают:*

– *А давайте свинью заведем. Мясо, сало будет.*

– *Да ты что?! Грязь, вонь...*

– *Ничего, она привыкнет.*

В примере (20) настоящее время не предполагает процессного прочтения, глагольный предикат в этом тексте можно назвать вневременным – гномическим. Текст (21) представляет собой тождество. Пример (22) отражает единичное действие, произошедшее в прошлом, и не допускает замены глагольных форм в прошедшем времени на соответствующие в настоящем без изменения порядка слов. Только пример (23) допускает перцептивную интерпретацию в рамках модуса мысленного взора и может быть назван анекдотом-сценой. Однако в подобном тексте не встречается нереферентная ИГ с местоимением *-нибудь* (см. Шмелева, Шмелев 2002; Фролова 2005). В анекдоте-сцене, как и в сказке, средствами становятся настоящее время глагольного предиката, инверсированный порядок слов и эллипсис рамки с модусным предикатом.

Внутри жанра анекдота возможность / невозможность перцептивного представления ситуации отражает способ ее осмысления, поскольку возможности развертывания текста, в сравнении с волшебной сказкой, резко ограничены.

Что касается текстов, синтаксически равных предложению, в них создание перцептивного образа зависит от возможности актуализированных временных форм и особенностей референции ИГ. В пословицах актуальное время невозможно, в них настоящее гномическое закрывает возможность перцептивности, а ИГ нереферентны и могут относиться либо к человеку, либо к ситуации. Пословица лишена зрительно воспринимаемых образов. Даже если во внутрирамочной конструкции присутствует глагол с нетривиальным

наблюдателем, в терминологии Апресяна, его перцептивность подавляется.

(24) *Сколько веревочке не виться, а концу быть.*

Референциальные возможности жанра загадки снимают ограничения на референцию ИГ, которые свойственны пословице. ИГ загадки могут быть отнесены к человеку и предмету. По-видимому, референциальные особенности загадки в сочетании с временем предиката, которое интерпретируется Т.М. Николаевой как «вечно длящаяся ситуация», делают возможным перцептивный модус в рамках данного жанра (Николаева 1995: 320). Мы не можем считать зрительный образ конституирующим для загадки, однако то, что он возможен в данном жанре, отличает загадку от пословицы. Адресату загадки предлагается зрительно представить ситуацию, отраженную в тексте, которая подвергнется зрительному же, образному, переосмыслению, когда отгадка будет отыскана.

(25) *Шел я мимо, видел диво: висит котел в девяносто ведер (месяц).*

(26) *Красный кочеток по жердочке бежит (огонь).*

В загадке (26) значимы лексемы цветообозначения и глаголы движения, формирующие зрительный образ.

(27) *Видит око, да зуб неймет.*

Загадка открывает возможность именно для модусного, а не диктумного прочтения глаголов чувственного восприятия. Достаточно сравнить пословицу (27) и загадку (25). В загадке глагол *видеть* вводит внутрирамочную конструкцию, интерпретируемую как перцептивно воспринимаемый образ.

Подобно жанровой неоднородности анекдота, по-видимому, следует признать, что загадке также присуще данное качество. Можно говорить о перцептивных (29), (30) и неперцептивных (28) загадках. (ср. примеры (28), (29), (30)).

(28) *Ни в огне не горит, ни в воде не тонет (лед).*

(29) *Белы хоромы, красны подпоры (гусь).*

(30) *Черно, как жук, бело, как снег, повертка в лес, поет, как бес (сорока).*

Итак, несколько фольклорных жанров допускают перцептивный зрительный модус: загадка, волшебная сказка, анекдот. В каждом жанре вопрос о субъекте модуса требует специального рассмотрения. В волшебной сказке и анекдоте это персонаж и солидаризирующийся с ним повествователь, а в загадке – только последний. Для волшебной сказки перцептивный модус связан с позицией, а в загадке и анекдоте с внутренней типологией жанра.

Библиографический список

- Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д. Апресян // *Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография.* М.: Языки русской культуры, 1995. С. 629-650.
- Апресян Ю.Д.* Казаться 1 / Ю.Д. Апресян // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.* М.: Языки русской культуры, 2000. Вып.2. С. 156-163.
- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. М.: Наука, 1974.
- Апресян Ю.Д.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. испр. и доп. / Ю.Д. Апресян и др. М.: Языки русской культуры, 1999а. Вып. 1. 552 с.
- Апресян Ю.Д.* Чудиться / Ю.Д. Апресян // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. испр. и доп.* М.: Языки русской культуры, 1999б. Вып. 1. С. 467-471.
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988.
- Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. Л., 1983.
- Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А.В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Виноградов В.В.* Стиль «Пиковой дамы» / В.В. Виноградов // *В.В. Виноградов. О языке художественной прозы. Избранные труды.* М.: Наука, 1980. С. 176-239.
- Дмитровская М.А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека / М.А. Димитровская // *Логический анализ языка. Знание и мнение.* Сб. научн. тр. / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 6-18.
- Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. М.: Наука, 1982.
- Кобозева И.М.* Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения и знания / И.М. Кобозева // *Логический анализ языка. Знание и мнение.* Сб. научн. тр. / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 82-98.
- МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой.* 2-е изд., испр. и доп. М., 1981.
- Николаева Т.М.* Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии / Т.М. Николаева // *Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г.Л. Пермякова.* Сост. Т.Н. Свешникова. М.: Восточная лит-ра, 1995. С. 311-324.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева. М.: Наука, 1985.
- Падучева Е.В.* Еще раз о генетиве при отрицании / Е.В. Падучева // *Вопросы языкознания, 2005. № 5.* С. 84-99.

- Падучева Е.В.* Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 101-116.
- Пропп В.Я.* Морфология сказки / В.Я. Пропп. Л.: ACADEMIA, 1928.
- Фролова О.Е.* Грамматика сказки / О.Е. Фролова // Фольклор и художественная культура. Современные методические и технологические проблемы изучения и сохранения традиционной культуры. Сб. статей и материалов. ГРЦРФ. М., 2004. Вып. 13. С. 121-129.
- Фролова О.Е.* Лингвистическая типология анекдота / О.Е. Фролова // Живая старина. 2005. № 4. С. 24-26.
- Шмелева Е.Я. и др.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2002.